

33
64

133
1964

Vitmer, A.

133
196

1812 ГОДЪ

ВЪ

„ВОЙНА И МИРЪ”

ПО ПОВОДУ ИСТОРИЧЕСКИХЪ УКАЗАНИЙ IV ТОМА „ВОЙНЫ
И МИРА“ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО.

А. ВИТМЕРЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.
Литейный проспектъ, № 39.

1869

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20-го Февраля 1869 года.

PG 3365
V65 V5

Смѣлые парадоксы IV тома «Войны и Мира» распространили въ большей части нашего общества, столь довѣрчиваго ко всякаго рода авторитетамъ, самыя превратныя понятія, какъ о военномъ дѣлѣ, такъ и объ историческихъ событіяхъ 1812 года. Миннія, по меньшей мѣрѣ странныя, не разъ слышанныя авторомъ даже отъ людей довольно образованныхъ, послужили поводомъ къ настоящимъ замѣткамъ, которые и были недавно напечатаны въ одномъ изъ нашихъ специальныхъ журналовъ.

Многіе, быть можетъ слишкомъ лестные, отзывы и совѣты—сдѣлать наши замѣчанія доступными не для однихъ только подписчиковъ специального журнала, но и для всего читающаго люда—побудили автора къ изданію ихъ отдельной брошюрою, съ весьма немногими измѣненіями и съ исправленіемъ довольно большаго числа корректурныхъ ошибокъ, вкравшихся при первомъ изданіи. Измѣненія не могли быть значительны, потому что авторъ, хотя и напечаталъ статью свою въ специальномъ журналь, но, какъ по содержанію, такъ и по изложенію, имѣлъ въ виду сдѣлать ее вполнѣ доступною всей массѣ читателей «Войны и Мира».

На ряду съ отзывами, повторяемъ, быть можетъ слишкомъ благопріятными, намъ дѣлами также и упреки: въ томъ, во первыхъ, что въ разборѣ мы не коснулись Аустерлица, Шонграбена и вообще столкновеній нашихъ войскъ съ Наполеономъ, предшествовавшихъ 1812 году; во вторыхъ въ томъ, что будто бы мы слишкомъ строго относимся къ графу Л. Н. Толстому, что онъ не историкъ, а романистъ и что, следовательно, исторической истины отъ него нечего было и ожидать.

На первое замѣчаніе отвѣтимъ, что въ первыхъ 3-хъ томахъ своего произведенія (эпоха до 1812 года) авторъ «Войны и Мира» описывалъ событія и проводилъ свои идеи, какъ художникъ, въ образахъ,—цѣль же наша заключалась не въ томъ, чтобы разсматривать дѣятельность графа Толстаго-художника, а графа Толстаго-философа и историка, какимъ онъ является *только въ IV томѣ*, когда приступаетъ къ нашей отечественной войнѣ.

Этотъ же аргументъ можетъ служить отвѣтомъ и на второе замѣчаніе: *IV томъ «Войны и Мира» даетъ полное право относиться къ нему съ той же строгостью, какъ ко всякаго рода историческому труду*, потому что здѣсь авторъ-художникъ отходитъ на второй планъ, уступая мѣсто историку, философу и историческому критику, съ чѣмъ конечно согласится всякий, кто прочелъ IV томъ произведенія графа Толстаго, его статью въ № 3 Русскаго Архива, и кто дастъ себѣ трудъ прочесть первыя страницы предлагаемаго разбора.

Въ заключеніе еще разъ считаемъ нужнымъ прибавить, что не можетъ не отдавать должной справедливости художнику, обогатившему нашу литературу такими произведеніями, какъ Дѣтство, Отечество, Юность, разсказы изъ кавказскаго быта Казаки, Севастопольскій дневникъ....

Это же самое уваженіе къ таланту автора, также важность затронутаго имъ вопроса, обязалъ насъ къ разбору не поверхностному, не голословному, но который постоянно опирался бы на подлинные слова автора, что не только не дозволѣть съ умысломъ исказять смыслъ подлинника, но даетъ возможность избѣжать ложныхъ его трактованій, даже неумышленныхъ.

жъ
812
ятія
бра-
что-
гаго-
исто-
мъ,
йнѣ.
томъ
ы и
л кѣ
вся-
у что
лань,
риче-
вся-
Тол-
и кто
пред-
при-
зира-
пит-
о, т
быта-
я, я
язало
слов-
и по-
водь-
ника
) то.

I.

Ни одно литературное явленіе послѣдняго времени не производило на русское общество такого сильного впечатлѣнія, не читалось съ такимъ интересомъ, не пріобрѣтало столько поклонниковъ, какъ „Война и миръ“ графа Л. Н. Толстаго.

Недавно (*) вышелъ въ свѣтъ нетерпѣливо ожидаемый 4-й томъ этого сочиненія, въ которомъ авторъ, не довольствуясь ролью талантливаго литератора, выступаетъ какъ историческій критикъ, съ замѣчательной нетерпимостью, а подъ часть и съ ироніей, третирующій историковъ, занимавшихся изслѣдованіемъ избранной имъ эпохи.

Подкупленная литературными достоинствами труда графа Толстаго, публика съ довѣрчивостью, слѣпо, слѣдуетъ и его историческимъ указаніямъ, вѣритъ его философскимъ теоріямъ, и только весьма не многіе ви-

(*) Писано въ Апрѣль 1868 года.

дѣять разницу между графомъ Толстымъ—философомъ и историкомъ, и графомъ Толстымъ—художникомъ.

А разница между ними—громадная!

Отдавая полную справедливость неотъемлемому литературному таланту автора и даже не касаясь вопроса: умѣстно или неумѣстно проводить въ литературномъ произведеніи какія бы то ни было доктрины не въ образахъ, а въ формѣ отвлеченныхъ разсужденій, мы займемся исключительно историческимъ элементомъ, занимающимъ такое видное мѣсто въ 4-мъ томѣ новаго произведенія графа Толстаго.

Но, прежде чѣмъ приступить къ предстоящему разбору, полагаемъ не лишнимъ остановиться на авторской защитѣ историческихъ указаній 4-го тома, помѣщенной въ № 3-мъ „Русскаго Архива“ за 1868 годъ.

Первые четыре пункта этой статьи, подъ заглавиемъ: „Нѣсколько словъ по поводу книги „Война и миръ“, какъ не касающіеся исторіи, мы оставимъ въ сторонѣ. Отвѣтомъ на 6-й пунктъ, въ защиту фатализма въ исторіи, могутъ служить замѣчанія наши, изложенные ниже, при разборѣ 4-го тома „Войны и мира“. Остается разобрать положенія автора, высказываемыя въ 5-мъ пунктѣ авторской апологіи.

Авторъ начинаетъ съ того, что, говоря о различныхъ задачахъ историка и художника, утверждаетъ, будто

„историкъ обязанъ иногда, пригибая истину, подводить всѣ дѣйствія исторического лица подъ одну идею, которую онъ вложилъ въ это лицо. Художникъ, напротивъ“ и т. д.

Удивительное понятіе о задачѣ и средствахъ историка! Итакъ, значитъ, историкъ „обязанъ“ взять изъ собственной головы какую нибудь идею, „вложить“ ее въ

историческое лицо и, затѣмъ, подводить всѣ его дѣйствія подъ предвзятую идею. Спорить противъ этого мы конечно не будемъ, но не можемъ не высказать, что мы, лично, понимаемъ задачу историка нѣсколько иначе: историкъ, по нашему мнѣнію, долженъ приступать къ избираемой эпохѣ *безъ всякихъ предвзятыхъ идей*; онъ долженъ прежде всего тщательно познакомиться съ фактами, сличить противорѣчія показавшія, порыться, если возможно, въ архивной пыли, въ сыромъ, неразработанномъ еще материалѣ, и затѣмъ уже, пріобрѣтя, такимъ образомъ, твердую почву, дѣлать свои выводы, проводить идеи, но не взятыя съ вѣтра, а строго вытекающія изъ анализа фактовъ.

Слѣдя за авторомъ далѣ, никто не станетъ съ нимъ спорить, что при описаніи сраженій невозможно со-блюсти строгую истину: дѣйствіе происходитъ такъ бы-стро, картина боя такъ разнообразна и драматична, а дѣйствующія лица находятся въ такомъ напряженномъ состояніи, что это становится совершенно понятнымъ; но дѣлать отсюда выводъ о степени достовѣрности истори-ческихъ изслѣдованій вообще, это—тоже, что по одному помѣшенному судить объ умственныхъ способностяхъ всего человѣческаго рода.

Да и относительно правдивости описаній сраженій, графъ Толстой хватилъ, какъ говорится, черезъ край. Есть, конечно, такія минуты боя, которыя неуловимы даже для очевидцевъ, а подъ часъ и умышленно иска-жаются ими; но всѣ *предварительные распоряженія*, всѣ дѣйствія *внѣ сферы выстrelловъ*, вполнѣ поддаются правдивому описанію; если бы и появилась здѣсь умы-щенная ложь, то она почти всегда обнаруживается по-средствомъ сличенія различныхъ показаній. Что же ка-

сается поведенія войскъ въ сферѣ огня, то и здѣсь есть у историка руководящія нити: отступленіе противника, напримѣръ, таинъ же какъ значительныя численныя потери, служать признакомъ хорошаго поведенія войскъ; отступленіе съ нашей стороны, при малыхъ потеряхъ, можетъ служить обратнымъ признакомъ и т. п.

Перечислить всѣ пріемы невозможно, такъ какъ это дѣло—чисто практическое, зависящее отъ личной способности изслѣдователя анализировать факты.

Имѣя въ виду все вышесказанное, точно также какъ и мнѣніе автора, что

„художникъ долженъ руководствоваться, какъ и историкъ, историческими материалами“ (стр. 523),

мы рѣшительно не понимаемъ, отчего же должно быть непремѣнно

„разногласіе между художникомъ и историкомъ въ описаніи событій“? (стр. 523)

Мы понимаемъ, что художникъ—не простой романістъ, а художникъ, рѣшившійся написать

„не романъ, не поэму, а «Войну и Миръ» (стр. 515), посвятившій для этого пять лѣть исключительного труда (стр. 515) и собравшій цѣлую библіотеку матеріаловъ (стр. 523), что такой художникъ можетъ обходить молчаніемъ вещи, на которыхъ останавливается историкъ, и, наоборотъ, удѣлять особенное вниманіе характеристикѣ лицъ историческихъ, и даже не историческихъ, служащихъ для обрисовки эпохи; мы даже не требуемъ отъ такого художника, чтобы разговоры историческихъ лицъ были вѣрны исторически: пусть только они не противорѣчатъ ходу событій и вѣрно очерчивають характеръ

лица; но грубаго противорѣчія въ фактахъ, не происходящихъ въ сферѣ выстрѣловъ, мы не допускаемъ. Здѣсь одно изъ двухъ: или ошибается художникъ, или лгутъ историки.

Если художникъ своими изысканіями достигъ истины— она съ благодарностью должна быть прината исторіей. Если ошибается художникъ (повторяемъ, не романистъ, а художникъ, поставившій себѣ такую задачу, какъ графъ Толстой, и вступающій въ свое мъ произведеніе въ область философіи и исторической полемики), если ошибается такой художникъ, если онъ слишкомъ легко-мысленно, безъ всякой подготовки, берется за решеніе историческихъ вопросовъ и самонадѣянно осыпаетъ упреками людей, серьезно работавшихъ на этомъ поприщѣ—упреки эти, по справедливости, должны обратиться на его же собственную голову.

Остается сдѣлать еще одно замѣчаніе: относительно странной оцѣнки авторомъ историческихъ трудовъ, посвященныхъ войнѣ 1812 года.

Владѣя цѣлой библіотекой матеріаловъ (стр. 523), авторъ называетъ двумя

„главными историческими произведеніями этой эпохи Тьера и Михайловскаго-Данилевскаго“ и „приходя въ недоумѣніе, какимъ образомъ могли быть печатаемы и читаемы эти книги“ (стр. 523),

тѣмъ не менѣе прилежно изучаетъ ихъ, будучи, по видимому, вполнѣ убѣжденъ, что лучшаго, нигдѣ и ничего, найти невозможно. Но вотъ подлинныя слова автора:

„Часто, изучая два главныхъ историческихъ произведенія этой эпохи, Тьера и Михайловскаго-Данилевскаго, я приходилъ въ недоумѣніе, какимъ образомъ могли быть печатаемы и читаемы эти книги. Не говоря уже объ изложеніи однихъ и тѣхъ же

событий самымъ серьезнымъ, значительнымъ тономъ, съ ссылками на материалы (*) и діаметрально-противоположно одинъ другому, я встрѣчалъ въ этихъ историкахъ такія описанія, что не знаешьъ, смѣяться или плакать, когда вспомнишь, что обѣ эти книги *единственные* (!?) памятники той эпохи и имѣютъ миллионы читателей. Приведу только одинъ примѣръ изъ книги знаменитаго историка Тьера“

и авторъ приводить дѣйствительно чудовищно-дикую тираду изъ Тьера. Напрасно не привель авторъ въ „pendant“ не менѣе нелѣпныя венци, встрѣчающіяся у Михайловскаго-Данилевскаго, въ родѣ, напримѣръ, того, что въ полевомъ сраженіи войска стрѣляютъ калеными ядрами, что, какъ извѣстно, положительно невозможно; но напрасно также не вывелъ авторъ, изъ нелѣпостей, встрѣчающихся у Тьера и у Михайловскаго-Данилевскаго, заключенія о томъ, что писатели эти не „главные“ для изученія этой эпохи.

Впрочемъ, графъ Толстой, вѣроятно, потому не пришелъ къ такому простому умозаключенію, что, по его мнѣнію, это не только главные, но и „единственные“ памятники той эпохи“. Но въ такомъ случаѣ, какъ понять слѣдующія слова автора:

„Вездѣ, гдѣ въ моемъ романѣ говорять и дѣйствуютъ историческія лица, я не выдумывалъ, а пользовался материалами изъ которыхъ у меня во время моей работы образовалась цѣлая библиотека книгъ, заглавія которыхъ я не нахожу надобности выписывать здѣсь, но на которые всегда могу сослаться“.

Какія же это книги? Если Тьерь и Михайловскій-Данилевскій „единственные памятники той эпохи“ и если подъ этимъ слѣдуетъ, конечно, разумѣть „исто-

(*) Замѣтимъ, между прочимъ, что Тьерь никогда не ссылается на материалы. Уже одинъ этотъ характеръ его сочиненія не можетъ доставить ему права на серьезное историческое изслѣдованіе.

рическіе памятники“, то изъ какихъ же книгъ составлена библіотека автора?

По нашему мнѣнію, Тьерь и Михайловскій-Данилевскій не единственныя, и даже не главнѣйшія „историческія произведенія этой эпохи“. Мало того, оба эти писателя, включая сюда и графа Сегюра—писатели наиболѣе краснорѣчивые, но едва ли не *наименѣе достойные* *спы* изъ всѣхъ, описывавшихъ войну 1812 года.

Памятниковъ же этой эпохи (разумѣемъ историческіе труды о ней), не два только, а множество. Перечислимъ нѣкоторые изъ нихъ:

На французскомъ языке: Шамбре, Гувьенъ-Сенъ-Сиръ, Фезансакъ, Гурго, Воданкуръ, Фенъ (Fain), Лабомъ, Чичаговъ и др.

На немецкомъ: Бернгарди, Клаузевицъ, Гофманъ, Шрекенштейнъ, герцогъ Евгений Виртембергскій, Канкринъ и др.

На англійскомъ: Вильсонъ.

На русскомъ: Ермоловъ, Бутурлинъ (*) и наконецъ Богдановичъ, сочиненіе котораго, вмѣстѣ съ Шамбре и Бернгарди, можетъ, по справедливости, считаться главнымъ источникомъ для изученія эпохи 1812 года.

Полагаемъ теперь возможнымъ приступить къ самому разбору четвертаго тома „Войны и мира“, къ разбору, повторяемъ, только *съ исторической точки зрѣнія*, оставляя въ сторонѣ неоспоримыя литературные достоинства романа. Причемъ мы не будемъ касаться мелочей и, въ большей части слушаевъ, оста-

(*) Бутурлинъ, флигель адъютантъ Императора Александра, написалъ свое сочиненіе на французскомъ языке; но вскорѣ сочиненіе это переведено было Хатовымъ на русскій языкъ и въ этомъ переводе наиболѣе распространено въ нашемъ отечествѣ.

вимъ въ сторонѣ даже характеристику лицъ, такъ какъ духовныя силы дѣятелей болѣе или менѣе подлежать спору. Обратимъ вниманіе только на вопросы болѣе важные и на заблужденія автора, не подлежащи сомнѣнію.

Ученіе о томъ, что не отдельныя личности руководятъ міровыми событиями, а что, напротивъ, онъ являются не болѣе какъ орудіями неизбѣжного порядка вещей—ученіе не новое и принятое почти всѣми новѣйшими историками-философами; но графъ Толстой развиваетъ это ученіе до самыхъ крайнихъ предѣловъ. По его мнѣнію, не только люди толпы, но и руководящіе массами (послѣдніе даже по преимуществу) не болѣе, какъ автоматы: Наполеонъ начинаетъ войну съ Россіей самъ не зная зачѣмъ, помимо своей собственной воли; онъ идетъ на Москву также не зная зачѣмъ; онъ дѣлаетъ это, будучи вполнѣ увѣренъ, что въ Москву ждетъ его погибель, а между тѣмъ не можетъ остановиться и идти на свою гибель, какъ кроликъ въ пасть удава. Онъ даетъ Бородинское сраженіе; но это только такъ *кажется*, и это можно, точно такъ же, какъ должно полагаютъ слѣпцы-историки, что Наполеонъ игралъ какую либо роль въ этомъ бою, дѣлалъ какія либо распоряженія. Напротивъ того, все сдѣвалось въ Бородинскомъ сраженіи само собою, и никакое распоряженіе Наполеона ничего не могло измѣнить въ судьбѣ этого дня; роль же его въ приготовленіяхъ къ сраженію заключалась, по словамъ графа Толстаго, чуть ли не единственно въ томъ, что онъ крахѣлся и поворачивался „жирнымъ тѣломъ“ подъ щетками ловкаго камердинера.

Нелѣпость такихъ выводовъ бросается въ глаза

сама собою, и происходит отъ того, что теорію, вполнѣ примѣнимую къ общему течению міровыхъ событій, графъ Толстой вадумалъ примѣнить къ частнымъ дѣяніямъ, а это, по меньшей мѣрѣ, несправедливо.

На общее теченіе дѣлъ вліяютъ общіе неизмѣнныя законы; но лишь только вы переходите къ частностямъ, какъ являются отступленія отъ общаго порядка вещей. Это приложимо ко всему.

Статистика, такъ много объяснившая намъ въ польднее время, говоритъ, напримѣръ, что въ извѣстной странѣ, населенной 20-ю миллионами людей, на 10 лѣтъ приходится столько-то преступлений; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы на каждый день, или на каждую тысячу человѣкъ, пришлось количество преступлений, соразмѣрное общему числу, приходящемуся на 10 лѣтъ и на 20 миллионовъ.

Тоже примѣнено и относительно окружающей насъ природы: средняя температура зимы для извѣстнаго мѣста, положимъ -3° ; но бываютъ дни и въ 3° тепла и въ 25° мороза.

Этихъ двухъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно для доказательства того, что справедливое въ общемъ не можетъ быть примѣнено къ частностямъ. Такъ и теорію о непреложномъ ходѣ историческихъ событій нельзя примѣнить къ дѣятельности отдѣльныхъ личностей, невозможно сдѣлать заключенія, что передовые люди дѣствуютъ помимо своей воли и не могутъ руководить событіями, теченіе которыхъ само увлекаетъ ихъ. Нѣть, они выдвигаются событіями, но, въ свою очередь, и руководить ими (*). Да и что такое историческая событія, какъ не результатъ дѣятельности мно-

(*) И это отнюдь не противорѣчіе, какъ мы пояснимъ ниже примѣрки.

тихъ волей? Законы этой общей дѣятельности—непреложны; но каждая отдельная дѣятельность свободна и можетъ идти совершенно въ разрѣзъ законамъ общей дѣятельности. И развѣ каждый изъ насъ не знаетъ сотни примѣровъ того, какъ отдельная воля вредила, напримѣръ, прогрессу? Она могла вредить ему, конечно, только временно, но вредила тѣмъ не менѣе дѣйствительно, и вредъ этотъ исправлялся, опять-таки, дѣятельностью отдельныхъ личностей, возстановлявшихъ законы вѣчного прогресса. Вліяніе на событія и свободная воля, какъ тѣхъ такъ и другихъ, несомнѣнны, хотя въ результатѣ и торжествуютъ общіе, непреложные законы.

Для болѣе нагляднаго поясненія того, что передовые люди, хотя и выдвигаются событіями, но, въ свою очередь, руководятъ ими, приведемъ нѣсколько близкихъ намъ примѣровъ.

Необходимость освобожденія крестьянъ сознавалась вполнѣ нашимъ правительствомъ въ самыхъ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія, а между тѣмъ это освобожденіе осуществилось только 60 лѣтъ спустя, и могло осуществиться десятью, двадцатью годами позже. Оно совершилось бы непремѣнно; но могло совершиться раньше или позже, и—мирнымъ путемъ или насилиственнымъ. Все зависѣло отъ рѣшимости правительства и цѣлесообразности мѣръ.

Точно также, по силѣ вещей, близкія сношенія Россіи съ Западомъ были неизбѣжны, какъ неизбѣжно Россія должна была сдѣлаться могущественнымъ государствомъ. И то и другое должно было быть; но, не будь Петра, это могло исполниться столѣтиемъ, двумя, позже, и совершилось бы, быть можетъ, не насилиственнымъ, лучшимъ путемъ, и избавило бы насъ, въ такомъ случаѣ, отъ излишествъ и увлечений при подражаніи.

Наконецъ, объединеніе Германіи должно было совершиться; но не явись въ Пруссіи Бисмаркъ, или руководи австрійской арміей лучшій главнокомандующій, и это объединеніе имѣло бы мѣсто, быть можетъ, по прошествіи полустолѣтія, и могло совершиться совсѣмъ инымъ путемъ. Въ послѣднемъ примѣрѣ личность Бисмарка была выдвинута событиями, но въ свою очередь и руководила ими.

Наконецъ, неужели изобрѣтатели компаса, книгопечатанія, пара (какъ двигателя), желѣзныхъ дорогъ, электричества и гальванизма, открытія которыхъ играютъ такую видную роль въ исторіи человѣчества, были не болѣе какъ автоматы?

Полагаемъ, что сказанное можетъ служить также достаточнымъ опроверженіемъ и на поясненія автора въ защиту фатализма въ исторіи, высказанныя имъ въ 6-мъ пунктѣ статьи „Русскаго Архива“.

Въ статьѣ этой, впрочемъ, нѣтъ ничего такого, чтобы не было уже сказано авторомъ въ четвертомъ томѣ „Войны и Мира“, кромѣ развѣ самыхъ невѣроятныхъ умствованій о томъ, что поднять руку—зависитъ отъ нашей воли, и опустить ее въ воздухъ такъ же, точно такъ же какъ и рѣшать любые математические вопросы; но опустить руку на ребенка не зависитъ отъ нашей воли. „Я не могу этого сдѣлать“, восклицаетъ авторъ. „На этого ребенка бросается собака, я не могу не поднять руку на собаку“ (стр. 525) (!?).

Если признать справедливость словъ автора, то невольно является вопросъ: какъ же это бываютъ люди, которые могутъ сѣчь дѣтей, и другіе—которые бѣгаютъ отъ собакъ? И хорошо ли поступаютъ тѣ и другіе?

Слѣдя за авторомъ далѣе, мы будемъ придержи-